

В.Г. ЧЕРТКОВ И Л.Н. ТОЛСТОЙ

Личность В.Г. Черткова давно привлекает внимание всех, кто обращается к изучению жизни и идей Л.Н. Толстого. Ближайшему помощнику писателя суждено было сыграть исключительную роль в формировании имиджа Толстого как врага государства и Церкви, в распространении по всему миру его произведений и в подготовке первого полного собрания сочинений. Современники по-разному оценивали деятельность Черткова, одни резко осуждали его за стремление единолично распоряжаться творениями Толстого, другие, напротив, всячески оправдывали. По словам В.В. Розанова: «Толстой буквально находился “в руках” Черткова: ограниченного и фанатичного своего “поклонника”, который запечатлел вечною печатью волнуемый и вечно растущий, вечно менявшийся мир дум и чувств Толстого, мир его настроений. Он запретил ему, поклонением и “преданностью”, выход из такой-то фазы, в которой застал Толстого и которая его (Черткова) пленила; и буквально задушил Толстого мыслями Толстого же... Россия не скажет ему “спасибо” и в свое время произнесет над ним жестокий суд»¹. «Играть роль или подделываться под Толстого, или увлекаться, как спортом в известном направлении можно, пожалуй, в молодости в течение нескольких лет, но не большую половину своей жизни, не целых 30 лет, когда уже настоящая старость и близость смерти глядит в глаза, — возражала в 1912 г. критикам Черткова его супруга Анна Константиновна, составлявшая биографию своего мужа для словаря С.А. Венгерова, — какой расчет, какая выгода в том человеку, жертвующему всеми личными интересами, удобством и покоем жизни, судьбою своего сына даже?! Пусть ответят мне те, которые бросают камень осуждения в таких людей, как Ч[ертков]»².

Долгое время о Черткове говорили и писали почти исключительно его единомышленники³. Затем, уже в 1950-е гг. (в значительной степени — под влиянием работ секретаря Л.Н. Толстого, В.Ф. Булгакова), в исследованиях стали преобладать критические отзывы. Так, М.А. Щеглов указывал на «реакционные черты» в издательской деятельности Черткова и утверждал, «что исполнительское “рвение” Черткова, обратившего в догму самые слабые черты толстовского мировоззрения и деятельности, действовало подчас деспотически на Толстого», побуждая его к сочинению «нравоучительных сказочек на заданные темы»⁴. Автор единственной на сегодняшний день монографии, посвященной сотрудничеству Толстого и Черткова, канадский исследователь А. Фодор пришел к заключению, что отношение Черткова к Толстому носило жестко прагматический характер⁵. Однако и в их отношениях по-прежнему остается много неясного для историков, и в значительной мере это связано с тем, что архив Черткова до сих пор не только не изучен в должной мере, но даже полностью не описан⁶. Между тем, нельзя не согласиться с современным исследователем А.Д. Романенко в том, что Чертков, как бы ни оценивать его роль, представлял собой «незаурядное и сложное явление на небосклоне общественной жизни России рубежа XIX и XX веков»⁷. Все это и заставляет вновь обратиться к анализу взаимоотношений Л.Н. Толстого и В.Г. Черткова.

Чертков написал однажды в своем дневнике, что его родители «принадлежали к числу наиболее порядочных из “порядочных” людей»⁸. Действительно, Владимир Григорьевич происходил из старинного и очень богатого (40 тыс. руб. чистого ежегодного дохода) дворянского рода. Он родился 22 октября (4 ноября) 1854 г. в Петербурге в семье видного военного деятеля и писателя Григория Ивановича Черткова (1828–1884), в 1867–1872 гг. командовавшего л.-гв. Преображенским полком, а в 1877–1878 гг. — 2-й гвардейской пехотной дивизией. Родная тетка В.Г. Черткова являлась супругой гр. П.А. Шувалова, влиятельного шефа жандармов (1866–1874), а затем — посла в Лон-

* Ореханов Георгий Леонидович, священник, кандидат исторических наук, проректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

доне (1874–1879). Блестящую карьеру сделал и родной брат Г.И. Черткова – генерал М.И. Чертков (1829–1905), с 1881 г. состоявший членом Государственного совета, а в 1901–1905 гг. являвшийся варшавским генерал-губернатором. Мать В.Г. Черткова – Е.И. Черткова (1832–1922) в молодости считалась одной из самых известных красавиц Петербурга и занимала видное положение в свете: дом Чертковых в Петербурге не раз посещали царствующие особы, а император Александр II приезжал туда в одиночных санях «без сопровождения малейшей охраны»⁹. Впоследствии она пользовалась особой благосклонностью императрицы Марии Федоровны. Много позже Чертков любил рассказывать, как в детстве играл с будущим императором Александром III. Именно Е.И. Черткова познакомила мужа своей сестры В.А. Пашкова с приехавшим в Петербург в 1874 г. известным английским проповедником евангелического толка лордом Г.В. Редстоком (1831–1913), а потом содействовала созданию секты русских редстокистов (так называемых «пашковцев»).

В 19 лет В.Г. Чертков поступил в л.-гв. Конный полк, командиром которого был тогда барон В.Б. Фредерикс, ставший в 1897 г. министром Императорского двора и уделов. В полку он 6 лет, по собственному более позднему признанию, прожил жизнь традиционным для блестящей столичной молодежи способом. Последний секретарь Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков подчеркивал, что рождение и блестящее положение в обществе с детства формировало у Черткова представление о «доступности и исполнимости всех его желаний, сознание своей особенности, исключительного положения, своей силы и власти над людьми»¹⁰. Эта принадлежность к высшему свету сказывалась затем и на общении Черткова с Толстым. «Тут теперь гостит В.Г. Чертков, приехавший на побывку из Англии, – писал в дневнике 6 августа 1906 г. зять писателя, М.С. Сухотин. – Это любимый ученик Л[ьва] Н[иколаевича], Иоанн в некотором роде, и я понимаю, что он может быть ближе других сердцу учителя. Уже одно то, что они оба хорошей крови, *bien nés* (хорошего рода. – *фр.*), в их близости, как это ни может казаться странным, играет не последнюю роль»¹¹.

В 1879 г. Чертков берет отпуск на 11 месяцев и проводит его в Англии, где снимает дом у сельского священника. В это время он общается со своим дядей, гр. П.А. Шуваловым, устанавливает или возобновляет отношения с представителями английской политической элиты, знакомится с принцем Уэльским (будущим королем Эдуардом VII), а также с русскими эмигрантами и англичанами, объединившимися вокруг Джона Кенворти – общественного деятеля, сочувствовавшего взглядам гр. Л.Н. Толстого. В октябре 1882 г. Владимир Григорьевич неожиданно для всех выходит в отставку в чине л.-гв. штабс-ротмистра и, поселившись в имении родителей Лизиневке, начинает заниматься благотворительностью среди крестьян.

К этому времени относится и его знакомство с Л.Н. Толстым. Впервые о новых взглядах Толстого Чертков узнал на свадьбе своего знакомого и бывшего однополчанина, помещика Р.А. Писарева, на которой присутствовал друг семьи Толстых, прокурор окружного суда Н.В. Давыдов. В конце октября 1883 г. Чертков впервые посетил дом Толстых в Хамовниках. При первой же встрече они ощутили, несмотря на разницу в возрасте (Толстому в 1883 г. было 55 лет, Черткову – 29), чувство духовного родства. «Мы с ним встретились, как старые знакомые», – писал об этой встрече Чертков¹². Говоря о их первой встрече, следует иметь в виду, что после пережитого религиозного кризиса Толстой испытывал острый приступ одиночества. «Вы не можете и представить себе, – писал он М.А. Энгельгардту в конце 1882 г. – до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящее я, презираемо всеми окружающими меня»¹³. Вскоре Чертков становится самым близким писателю человеком¹⁴.

Толстой переживал знакомство с ним как важное событие в своей жизни, как обретение настоящего и глубокого почитателя и последователя, ученика и единомышленника. Уже 6 апреля 1884 г. он записал в дневнике: «Он удивительно одноцентричен со мною»¹⁵. Ощущение этой связи, единомыслия не покидало Толстого впоследствии до конца жизни. Именно под влиянием идей писателя (а не наоборот) произошло изменение религиозных взглядов Черткова. В его письмах первой половины 1880-х гг. отра-

зились разногласия с писателем и сомнения в правильности его трактовок Евангелия (например, последовательного отрицания Толстым Богочеловечества Христа)¹⁶. Сразу же после знакомства с писателем Чертков писал 31 октября 1883 г. матери: «В наших личных представлениях о Боге мы, кажется, значительно расходимся»¹⁷. «В этой книге есть места, которым я настолько не сочувствую, что не решусь быть орудием их издания и распространения..., – признавался он Толстому в 1884 г. по поводу перевода и издания в Англии книги “В чем моя вера”. – Я не *мешать* хочу распространению Вашей мысли в ее полноте, а только желал бы самому содействовать распространению только таких мыслей, которые, положа руку на сердце, я признаю за истину»¹⁸. В ответ писатель критиковал мистические настроения своего молодого друга и разъяснял, что именно его не устраивает в церковном учении¹⁹.

В итоге позиция Толстого существенно повлияла на взгляды Черткова. Уже 21 июля 1884 г., подвигая Толстого к подготовке изданий для простого народа (что было реализовано позднее издательством «Посредник»), он указывает на необходимость «прежде всего очистить учение Христа от всех накопившихся перетолкований, обнаружить русским людям Евангелие, как оно есть, в его простом, прямом смысле», сделать так, чтобы Христос был «доступен и понятен массе»²⁰. Под этим лозунгом – «сделать Христа понятным и доступным массе» – и будет проходить отныне жизнь В.Г. Черткова.

Со временем в переписке Толстого и Черткова выражение «учение Христа» становится своего рода «паролем». Все больше ими овладевало желание предоставить русским людям «очищенное Евангелие», освобожденное от богословских смыслов. «Как могли Вы предположить хоть на минуту недоразумение между мной и Вами по поводу Ваших писем против божественности Христа?! – восклицал Чертков в письме Толстому в 1892 г. – ...Эти письма послужили для меня как бы термометром, по которому я заметил свое собственное изменение по отношению к этим вопросам с тех пор, как я, помните, бывало, просил Вас выпускать в моих изданиях резкие отрицания искупления и т.п. Впрочем, тогда и Ваш *тон* бывал иной»²¹. Одновременно Чертков все сильнее увлекается идеей популяризации религиозных представлений Толстого. К середине 1880-х гг. относятся и первые пока еще очень скромные попытки Черткова влиять на окончательный текст произведений Толстого. 31 января 1885 г. в связи с изданием «Посредником» рассказов «Кавказский пленник» и «Бог правду видит», Чертков просил исключить несколько строк, показавшихся ему неудачными²². 26 марта 1885 г. Толстой разрешил ему по своему усмотрению поправить статью «Так что же нам делать?»²³. С этого времени он регулярно присылает своему новому другу рукописи, а тот начинает вносить в них отдельные более или менее значительные изменения. Тогда же Чертков приступает к подготовке издания в Англии тех сочинений Толстого, которые по цензурным соображениям невозможно было опубликовать в России. Характерно, что он вкладывает в это дело собственные средства.

В 1893 г. Чертков оставил руководство издательством «Посредник» (его преемником становится П.И. Бирюков). В конце того же года у него созревает замысел организовать сбор материалов по истории сектантского движения. Впоследствии он назовет их «История гонения на христиан в России». Особое внимание уделялось им положению духоборов и других лиц, отказывавшихся по религиозным убеждениям от исполнения воинской повинности (к 1902 г. Чертков собрал по данному вопросу около 4 тыс. документов). В результате, в начале 1890-х гг. Чертков фактически встает на путь активной борьбы с властью. В 1892 г. он писал Толстому, что находится «по отношению к происходящему в России как бы с бомбой в руках». «И не знаю, – признавался он, – когда ее пушу: завтра или через некоторое время»²⁴. Неудивительно, что вскоре им заинтересовались в Департаменте полиции. Впрочем, в 1896 г. он характеризовался полицией как «добрый, мягкосердечный, слабохарактерный» человек, который «с детских лет находился в руках женщин» (имелись в виду мать-пашковка и жена «с твердой волей»), а теперь летом «делает попытки принимать участие в сельских работах, но всегда неудачно, не имея для этого ни достаточно сил, ни навыка»²⁵. Отмечалось, правда, и то, что Чертков делает поправки к сочинениям Толстого «как истинный рев-

нитель толстовских взглядов на православие, где и чем только можно выражает свое озлобление к Церкви и ненависть к духовенству»²⁶.

В 1896–1897 гг. В.Г. Чертков и его сотрудники составляют ряд воззваний в защиту духовоборов. Вследствие этого 2 февраля 1897 г. на его квартире в Петербурге проводится обыск, причем Чертков отказывается подписать полицейский протокол и ехать по вызову министра внутренних дел И.Л. Горемыкина для дачи объяснений. На следующий день Горемыкин лично посетил Е.И. Черткову и сообщил ей, что Комитет министров признал ее сына виновным в пропаганде и незаконном вмешательстве в дела сектантов, постановив сослать его в Сибирь. Однако после вмешательства вдовствующей императрицы, просившей смягчить это решение в память о дружбе ее и императора Александра III с родителями В.Г. Черткова, ему предоставили выбор между высылкой в Прибалтийский край под надзор полиции и отъездом на неопределенный срок за границу²⁷. Тогда же были высланы и его ближайшие сотрудники (Бирюков – в Бауск Курляндской губ., И.И. Трегубов – в Феллин Лифляндской губ.).

13 февраля 1897 г. Чертков вместе с матерью уехал в Англию, где они сначала поселились в небольшом городке Кройдон, а затем переехали в местечко Эссекс, недалеко от Лондона. В общей сложности Чертковы провели в Англии около 11-ти лет. Там вместе с английским пастором, проповедником, писателем и издателем Дж. Кенворти, основавшим в Англии в 1895 г. колонию единомышленников Толстого в местечке Перлей (Эссекс), Чертков входит в издательское товарищество «Brotherhood Publishing Company» («Братское книгоиздательство»), которое, впрочем, просуществовало очень недолго. Он просит у Толстого право первого издания его статей на английском языке, а также предлагает направлять к нему еще не публиковавшиеся тексты и переводчиков, чтобы новые произведения выходили одновременно на русском и английском языках. Даже из Англии Чертков пытается контролировать копирование рукописей Толстого, настойчиво осведомляется о том, переписываются ли его письма, и просит регулярно высылать ему копии.

Уже в 1897 г. Чертков выпускает в Англии 9 различных изданий сочинений писателя, а также ряд собственных антиправительственных и антицерковных брошюр. С 1898 г. в Лондоне под редакцией Бирюкова начинает выходить задуманный Чертковым сборник «Свободное слово»²⁸ (такое же название получает и новое издательство), сам Чертков издает «Листки свободного слова» (в 1898–1902 гг. появилось 25 номеров). В Швейцарии был также создан журнал «Свободная мысль», редактировавшийся в 1899–1901 гг. все тем же Бирюковым. Одновременно с издательством «Свободное слово» Чертков организует издательскую фирму «The Free Age Press» («Издательство Свободного века»), которая фактически получила монопольное право выпуска на английском языке произведений Толстого, а также снабжения переводчиков и зарубежных издателей подлинными текстами писателя. За время пребывания Черткова в Англии это издательство выпустило в свет большими тиражами свыше 60 различных наименований книг и статей Толстого и близких ему авторов²⁹. Издания «Свободная мысль» и «Свободное слово» превращаются в важнейший источник распространения взглядов Л. Толстого и его последователей в Европе. Они стали эффективным способом пропаганды христианства нового толка, «освобождающего» веру от «пут» догматики, «церковного гипноза» и клерикализма³⁰. Их публикации фактически играли на руку революционерам и использовались ими в антицерковной агитации³¹.

В конце 1890-х гг. Чертков становится полномочным представителем Толстого за границей по литературным и издательским делам. Так, в доверенности на издание за границей романа «Воскресение», выданной ему 3 апреля 1899 г., Чертков был назван непосредственным уполномоченным Толстого, пользующимся его полным доверием³². «Чертков мог рассчитывать на то, что ему удастся опубликовать новые произведения Толстого в переводах, выходящих под его наблюдением, лишь в том случае, если бы он получал статьи Толстого до издания их по-русски, с тем, чтобы они выходили одновременно и в России и в Англии», – писал позднее Муратов³³. Ведь после публикации они, согласно воле Толстого, немедленно становились общим достоянием и любое из-

дательство могло их перепечатывать, переводить, делать свободный пересказ. Именно поэтому Чертков настаивал на своей полной монополии на переводы статей Толстого и добивался, чтобы их издатели в России никому не давали корректур до публикации, опасаясь, как бы кто-то из предприимчивых переводчиков не успел сделать свой перевод первым. «Во всяком случае, в интересах дела нашего международного “посредника”, – писал он Толстому 28 июля 1897 г., – желательно, чтобы, как я вам уже писал, *все* переводчики, обращающиеся к вам, были направлены ко мне сюда и чтобы ни одному из них вы не давали списка помимо меня. А также, чтобы я получил от вас рукопись для перевода, по крайней мере, недели *за три* до не только ее напечатания в России, но даже до ее распространения частным путем»³⁴. Толстой отвечал на это полным соглашением и обещанием, что все его работы в первую очередь будут посылаться Черткову.

Так постепенно возникло то неестественное положение, в котором в конце концов оказался писатель по отношению к своему молодому другу, установившему жесткий контроль над его творчеством. Весьма характернично письмо одного из ближайших помощников Черткова – А.П. Сергеенко к домашнему врачу писателя Д.П. Маковицкому. Поводом для него послужила публикация без ведома Черткова письма, отправленного 7 ноября 1906 г. Л. Толстым П. Сабатье. «И все это произошло, по мнению Вл[адимира] Гр[игорьевича], от того, что окружающими Л[ьва] Н[иколаевича] не исполняется неоднократно ясно выраженное самим Л[ьвом] Н[иколаевичем] желание, чтобы копии со всех его новых произведений, статей и писем прежде всего посылались Вл[адимиру] Гр[игорьевичу]..., – жаловался Маковицкому Сергеенко. – Вл[адимир] Гр[игорьевич] очень просит вас понять, что все сказанное вытекает исключительно из его желания возможно большего распространения сочинений Л[ьва] Н[иколаевича] и никак не есть излишний педантизм с его стороны. И он очень надеется, Душан Петрович, что на будущее время вы будете ему в этом уже только помощник. Не так ли?»³⁵. Позднее, узнав, что Маковицкий ведет ежедневные записки, Чертков через Сергеенко предложил ему пересылать свой дневник в Англию.

Осенью 1900 г. Е.И. Черткова приобрела для семьи своего сына дом в местечке Крайстчерч (150 км от Лондона). Вскоре Чертков перевез туда типографию и начал строительство специально оборудованного по последнему слову техники хранилища рукописей Толстого. Одновременно он продолжал активную пропаганду взглядов Толстого в Англии. С этой целью в 1901 г. в небольшом городке Борнмут, неподалеку от Крайстчерча, проводились публичные собрания («The progress meetings for the consideration of the problems of life»), на которых люди различных взглядов выступали по всевозможным религиозным, политическим и социальным вопросам³⁶. Чертков сделал там до 25 докладов, читал переведенные на английский язык произведения Толстого. Кроме того, он выступал с лекциями в университетах и различных британских обществах³⁷. В 1902 г. Чертков начал издание собрания сочинений Толстого, запрещенных в России цензурой. При этом своими выступлениями и публикациями он создавал в Европе сильно политизированный образ Л. Толстого – великого писателя, вступившего в противоборство с самодержавием и Церковью.

Следует отметить, что деятельность Черткова в Англии носила ярко выраженный политический характер, а его связи с социал-демократами (в том числе и с большевиками) были прочными и разнообразными³⁸. Каналы сбыта толстовской и большевистской литературы были общими, в английском хранилище рукописей Толстого в отдельной комнате, в специальном запгертом на ключ стенном шкафу, хранился архив латышских социал-демократов, перевезенный в 1924 г. в Москву и переданный Латсекции Коминтерна³⁹. В разное время в Англии с Чертковым и его издательством «Свободное слово» сотрудничали социал-демократы и политэмигранты В.Д. Бонч-Бруевич, А. Зирнис (секретарь В. Черткова в Англии), Л.Л. Перно, Г.А. Пунга, революционер-народник Ф. Волховский, один из основателей Польской социалистической партии и будущий президент Польши С. Войцеховский и другие. Чертков и его сотрудники часто посещали эмигрантский социал-демократический клуб в Боскомбе, привлекавший в основном выходцев из России. Конечно, контакты Черткова с большевиками (в частности, с тем

же Бонч-Бруевичем) не надо переоценивать. Идеологически он с ними принципиально расходился и никогда не принимал методы, основанные на насилии⁴⁰. Тем не менее в чертковской «Свободной мысли» печатались откровенно революционные призывы: «Пора бы социалистам, уже пустившим глубокие корни в рабочей среде, обратить серьезное внимание на эту ужасную организацию – войска. И приложить возможно больше энергии распространению среди солдат литературы, могущей побороть этот гипноз дисциплины, во мрак которого погружено наше христианское воинство»⁴¹. Неудивительно, что толстовские издания широко распространялись революционерами в армии и флоте. В редакцию «Искры» сообщали в 1902 г. из Киева: «Ввиду происходящего теперь рекрутского набора Киевский комитет решил издать “Солдатскую памятку” Л.Н. Толстого, находя, что никто лучше, ярче и проще Толстого не сможет изобразить ту позорную и ужасную роль, какую играет армия, как одно из средств порабощения народа»⁴².

В то же время, несмотря на явную антиправительственную и антицерковную деятельность, Чертков вплоть до 1917 г. сохранял свои связи при Дворе и умел ими пользоваться. Его английскими публикациями интересовался вел. кн. Николай Михайлович⁴³, а московский обер-полицеймейстер (1896–1905) и петербургский генерал-губернатор (1905) Д.Ф. Трепов – бывший товарищ по Конногвардейскому полку – хранил для Чертова в специальном ящике бумаги Толстого, переданные ему в 1893 г. Как вспоминали позднее А.П. Сергеевко и А.К. Чертова, «несмотря на коренную разницу в воззрениях, В[ладимир] Г[ригорьевич] считал Трепова человеком исключительной искренности, честности и правдивости»⁴⁴.

В 1905 г. Е.И. Чертова обратилась к Николаю II с просьбой разрешить ее сыну приехать на 3 недели в Россию. 15 апреля Владимир Григорьевич получил разрешение приехать летом на родину для свидания с матерью и Л.Н. Толстым, что позволило ему с 26 мая по 4 июня погостить в Ясной Поляне⁴⁵. 20 февраля 1906 г. министр внутренних дел П.Н. Дурново уведомил Д.Ф. Трепова о том, что Чертков может вернуться в Россию на основании указа 21 октября 1905 г.⁴⁶ В конце 1907 г. – начале 1908 г. начинается подготовка к возвращению Чертковых в Россию: Чертков несколько раз бывает в Ясной Поляне и покупает у младшей дочери писателя, А.Л. Толстой, участок земли в ее имении Телятинки, куда окончательно переезжает вместе с семьей в сентябре 1908 г.

Сразу же по возвращении В.Г. Чертова в Россию за ним устанавливается полицейское наблюдение. Сообщая 1 февраля 1909 г. министру внутренних дел о неблагонадежности Чертовых, исправляющий должность тульского губернатора Д.Д. Кобеко помимо прочего отметил, что от некоторых членов семьи писателя он получил доверительным образом сведения, будто тот «сам тяготится влиянием Чертова на него, но не может по недостатку в этом отношении твердости и характера избавиться от этого влияния, причем многие основные взгляды Чертова, как слишком резкие, не разделяются графом Толстым; в миросозерцании его за последнее время, по-видимому, наступает поворот в сторону смягчения его учения»⁴⁷. Впрочем, члены семьи Л.Н. Толстого, и в первую очередь его сыновья, не имели никаких оснований относиться к Черткову с симпатией. Слишком многое их разделяло – и взгляды Чертова, и его активная роль в подготовке нового варианта завещания Л.Н. Толстого.

История завещания Толстого по-своему очень сложна и многопланова. В 1883 г. Толстой выдал своей жене, С.А. Толстой, нотариально заверенное письмо, передававшее ей права на получение всех доходов от издания его произведений, написанных до 1881 г. 19 сентября 1891 г. в газетах «Русские ведомости» и «Новое время» было опубликовано письмо Толстого, в котором он доводил до всеобщего сведения, что предоставляет «всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах», не только те свои сочинения, которые были написаны после 1881 г., но и все «неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения»⁴⁸.

27 марта 1895 г. Толстой сделал в дневнике запись о своем желании, чтобы подготовкой посмертного издания его произведений занимались В.Г. Чертков, Н.Н. Страхов

и С.А. Толстая⁴⁹. В 1901 г. эта запись была переписана дочерью писателя, М.Л. Толстой (с исключением имени умершего Страхова), и дана на подпись Толстому. Узнав об этом, С.А. Толстая решительно воспротивилась этому плану, и бумага, уже подписанная ее мужем, была передана ей. Следует иметь в виду, что семья писателя оценивала свое право издавать по всему миру его сочинения и пользоваться доходом от этих изданий в сумму 10 млн золотых рублей⁵⁰.

18 сентября 1909 г. у Черткова в Крекшино Толстой подписывает первый вариант завещания, смысл которого состоял в том, что все его рукописи, изданные и неизданные, написанные после 1881 г., не являются ничьей частной собственностью и передаются В.Г. Черткову для безвозмездного издания. Однако несколько позже присяжный поверенный Н.К. Муравьев объяснил, что завещание не будет иметь юридической силы без указания конкретного наследника⁵¹. 1 ноября 1909 г. при участии Муравьева составляется текст завещания на имя младшей дочери писателя – А.Л. Толстой. В 1922 г. Чертков утверждал, что завещание было составлено без малейшего его участия и даже без его ведома⁵². Однако ложность этого утверждения видна уже из дневниковой записи, сделанной Толстым 26 октября 1909 г. В ней прямо говорится о «требованиях Черткова», а также о том, что Толстой, хотя и согласился на эти требования, однако испытывал большую тяжесть, связанную с необходимостью обмана, на который его толкал ближайший ученик: «Но тяжело, что не сказал, что все это очень тяжело и лучшее неделание»⁵³.

Понимая всю сложность ситуации, в которой он окажется, если будет назначен непосредственным наследником Толстого, Чертков выработал план, согласно которому завещание должно было быть составлено на имя подставного лица – именно такую роль он отводил А.Л. Толстой. В 1922 г., когда его отношения с младшей дочерью писателя окончательно испортились, Чертков утверждал, что и он, и Л.Н. Толстой, и А.Л. Толстая в 1910 г. совершенно одинаково понимали смысл завещания: «Задача А[лександр] Л[ьвов]ны будет заключаться в том, чтобы обеспечить мне возможность беспрепятственно распорядиться литературным наследством Л[ьва] Н[иколаевича], следуя данным им мне указаниям»⁵⁴.

20 июня 1910 г. Чертков получил разрешение находиться в Тульской губ. во время пребывания там его матери. С 30 июня по 24 июля он лично общался с Толстым. Именно в это время завершается история с завещанием писателя, которая в общих чертах хорошо известна: 22 июля 1910 г. в лесу близ д. Грумонт (Угрюмая) подписывается при трех свидетелях (А.Б. Гольденвейзер, А.П. Сергеев и А.Д. Радынском) тайное завещание, согласно которому наследницей прав на все литературные произведения становилась А.Л. Толстая, а в случае ее преждевременной смерти – Т.Л. Толстая. 31 июля 1910 г. Толстой добавил к тексту завещания специальную записку, которой впоследствии Чертков придавал особое значение. В ней было выражено пожелание, чтобы рукописи, в том числе и написанные до 1881 г., не составляли ничьей частной собственности и были переданы В.Г. Черткову для просмотра и безвозмездного издания (в своей публикации 1922 г. Чертков заявил, что и эта записка была составлена не по его инициативе, а по желанию самого Толстого). Еще 12 июля 1908 г. М.С. Сухотин отмечал в дневнике: «Вообще влияние, которое проявляет Чертков над Л[ьвом] Н[иколаевичем], поразительно. Л[ев] Н[иколаевич] до того любит Черткова, что боится ему противоречить, чтобы его не огорчить, а Чертков пользуется этой любовью и заставляет Л[ьва] Н[иколаевича] поступать так, как Черткову хочется»⁵⁵. Как выразился Сухотин позднее, в 1910 г., «Чертков цепок и Льва Николаевича из рук не выпустит»⁵⁶.

В.Г. Черткову принадлежала исключительная роль в формировании «имиджа» Л.Н. Толстого как борца с «произволом самодержавия» и «церковным гнетом» и, одновременно, именно Чертков способствовал политизации религиозной доктрины писателя и придал ей протестный характер, превратив ее в инструмент политической и антицерковной борьбы. Жесткий контроль над рукописями писателя и их изданием являлся важнейшим рычагом его влияния. После же утверждения 31 июля 1910 г. дополнительной записки к завещанию Черткову уже ни при каких обстоятельствах нельзя

было допустить свидания священника или жены писателя с умирающим Толстым, дабы исключить возможность изменения его последней воли. Из этого положения Л.Н. Толстой вырваться уже, по-видимому, не мог, и именно этим обстоятельством объясняется трагедия последних дней его жизни.

Примечания

¹ Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. М., 2005. С. 393.

² Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (далее – ОР ГМТ), ф. 60, оп. 2, № 18, л. 18.

³ В первую очередь следует отметить книгу писателя и исследователя русского сектантства М.В. Муратова (1892–1957), познакомившегося с Чертковым в 1918 г. и допущенного им к своему уникальному архиву. (Муратов М.В. Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков по их дневникам и переписке. СПб., 2003). Впоследствии Муратов принял активное участие в издании переписки Толстого с Чертковым. Первый ее вариант вышел еще при жизни Черткова (в 1934 г.) и преследовал вполне определенную цель – показать, что Чертков и Толстой в целом были совершенно единомышленны, а все критические замечания в письмах и дневниках писателя в адрес его друга и последователя носят случайный и эмоциональный характер.

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений (далее – Толстой Л.Н. ПСС). Т. 88. М., 1957. С. III–XXVI. См. также: Щеглов М.А. Лев Толстой и В.Г. Чертков // Щеглов М.А. Литературная критика. М., 1971.

⁵ Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Laham, 1989.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ Из бумаг В.Г. Черткова и его современников // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 19. Воронеж, 2003. С. 214.

⁸ Муратов М.В. Указ. соч. С. 25.

⁹ Более того, будучи еще наследником престола, вел. кн. Александр Николаевич стал крестным отцом старшего брата В.Г. Черткова Григория (ОР ГМТ, ф. 60, оп. 2, № 27, л. 1). Утверждение А. Фодора о том, что В.Г. Чертков мог быть внебрачным сыном Александра II, представляется все же необоснованным. См.: Fodor A. Op. cit. P. 42–43.

¹⁰ Булгаков В.Ф. «Злой гений» гения // Слово. 1993. № 9/12. С. 4.

¹¹ Сухотин М.С. Из дневника М.С. Сухотина // Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. М., 1961. С. 187.

¹² Муратов М.В. Указ. соч. С. 68. А. Фодор полагает, что последний изначально желал использовать имя Л. Толстого для проповеди идей ненасилия (Fodor A. Op. cit. P. 22–23).

¹³ Толстой Л.Н. ПСС. Т. 63. С. 112.

¹⁴ Особая близость подтверждается и их перепиской: за 27 лет Толстой отправил Черткову не менее 928 писем и телеграмм – больше, чем кому-либо другому. Чертков писал еще чаще (сохранилось 1 127 его писем Толстому).

¹⁵ Толстой Л.Н. ПСС. Т. 49. С. 78.

¹⁶ Там же. Т. 85. С. 46, 85.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 67–68.

¹⁹ Там же. С. 77–80.

²⁰ Там же. С. 89–90.

²¹ Там же. С. 164.

²² Там же. С. 140.

²³ Муратов М.В. Указ. соч. С. 83.

²⁴ Там же. С. 147.

²⁵ ОР РНБ, ф. 783, д. 17, л. 51 об.–52.

²⁶ Там же, л. 52 об.–53 об.

²⁷ ОР ГМТ, ф. 60, оп. 2, № 3207, л. 1. См. также: Толстой Л.Н. ПСС. Т. 85. С. 11.

²⁸ «Свободное слово» издавалось в 1898–1899 гг. как периодический сборник, в затем, с декабря 1901 г. по сентябрь 1905 г., уже как журнал (всего вышло 18 номеров).

²⁹ Fodor A. Op. cit. P. 98.

³⁰ Здесь в первую очередь обращают на себя внимание такие, например, статьи, как «Православная Церковь и общество» (Свободное слово. 1903. № 4–5). Подробнее см.: Саломони А.

Эмигранты-толстовцы между христианством и анархизмом (1898–1905) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 118.

³¹ Саломони А. Указ. соч. С. 118–119. См., в частности, статью «Как попы поработили народ учением Христа», вышедшую в «Народных листках», издававшихся в Швейцарии В.Д. Бонч-Бруевичем (1902. № 9).

³² РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 2861.

³³ Муратов М.В. Указ. соч. С. 183.

³⁴ Там же. С. 185.

³⁵ РГАЛИ, ф. 508, оп. 1, д. 215, л. 10–11.

³⁶ Сообщения о них в 1901–1904 гг. регулярно помещались в газете «The Bournemouth Guardian».

³⁷ А.П. Сергеевко вспоминал, что В.Г. Чертков часто составлял фразу по-английски и затем уже переводил ее на русский язык, который знал хуже. См.: Сергеевко А.П. Семья // Нева. 1980. № 10. С. 106.

³⁸ По-видимому, это сказалось и на его последующей судьбе. 27 декабря 1922 г. решением Комиссии НКВД по административным высылкам В.Г. Чертков был приговорен к высылке на 3 года в Германию за «антисоветскую деятельность, выразившуюся в резкой критике советской власти и агитации против службы в Красной армии». Однако 18 января 1923 г. Особая комиссия ВЦИК по уголовным делам заменила высылку в Европу ссылкой в Крым под надзор органов ГПУ. Впоследствии и это решение было отменено. В результате, Чертков не только не был в 1923 г. выслан из Советской России, но и вообще не подвергся никаким преследованиям. См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 172, 177, 503.

³⁹ ОР ГМТ, ф. 60, № 19586.

⁴⁰ Уже в 1950-е гг. В.Д. Бонч-Бруевич, говоря о сотрудничестве в эмиграции с единомышленниками Черткова, утверждал, что, со своей стороны, всегда сознательно стремился парализовать влияние толстовства на сектантские массы. Подробнее об отношениях Черткова и Бонч-Бруевича см.: Fodor A. Op. cit. P. 115.

⁴¹ Свободная мысль. 1900. № 8. С. 127.

⁴² Там же.

⁴³ Так, 5 сентября 1902 г. великий князь просил Л.Н. Толстого доставить ему новую книгу Черткова «К рабочему народу», когда она появится в Англии. «Я прочту этот труд с самым живым интересом, – писал он. – Самое лучшее попросить Диму Черткова [“le beau Dima” (красавчик Дима, фр.) – прозвище В.Г. Черткова в полку. – Г.О.], чтобы он мне адресовал эту книгу прямо в Боржом, так как я получаю все без цензуры» (Переписка Л.Н. Толстого с Н.М. Романовым // Литературное наследство. Т. 37–38. Ч. II. М., 1939. С. 311). Пересказывая известную историю письма Л.Н. Толстого Николаю II, М.С. Сухотин сообщал в дневнике: «Николай Михайлович передал кн. Барятинской (Нелли) (Е.М. Барятинская – двоюродная сестра В.Г. Черткова. – Г.О.), она написала Черткову, а он Л[ьву] Н[иколаевичу] то, что Государь отнесся “благодарно” к его письму и обещал никому его не показывать. ... Ему кажется, что обещание не показывать должно гарантировать и его самого и Л[ьва] Н[иколаевича] от разных неприятностей». (Сухотин М.С. Лев Толстой // Литературное наследство. Т. 69. Кн. 2. М., 1961. С. 168). По-видимому, при Дворе по-прежнему разделяли взгляды Александра III, не желавшего делать из Л. Толстого мученика.

⁴⁴ ОР ГМТ, ф. 60, оп. 2, № 8, л. 3.

⁴⁵ А. Фодор отмечает, что в эти дни Л. Толстой, вопреки обыкновению, не делал никаких заметок в своем дневнике. Как полагает исследователь, писатель испытывал известную напряженность. Кроме того, он прекрасно понимал, что жена имеет доступ к его записям. См.: Fodor A. Op. cit. P. 113.

⁴⁶ ОР ГМТ, ф. 60, оп. 2, № 64.

⁴⁷ Там же, № 3207, л. 59 об.

⁴⁸ Толстой А.Н. ПСС. Т. 66. С. 47.

⁴⁹ Там же. Т. 53. С. 14–16.

⁵⁰ «Стой в завете своем...»: Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель: Воспоминания. Документы. Материалы. М., 2004. С. 26–27.

⁵¹ Л. Толстой был заочно знаком с присяжным поверенным Н.К. Муравьевым с 1902 г., когда по просьбе писателя он выступил адвокатом на процессе «павловских сектантов» – крестьян-штундистов с Павловки Сумского уезда Харьковской губ., которые под влиянием соседнего помещика-толстовца кн. Д.А. Хилкова в сентябре 1901 г. произвели поругание святынь и значительные разрушения в местном православном храме. См.: «Стой в завете своем...»: С. 17–

18; Варфоломеев Ю. О духовном завещании Льва Толстого // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 315–317. См. также: Сергеев А.П. Семья // Нева. 1980. № 10. С. 104.

⁵² См.: Чертков В.Г. Уход Толстого. М., 1922.

⁵³ Толстой Л.Н. ПСС. Т. 57. С. 161.

⁵⁴ Чертков В.Г. Уход Толстого. С. 108. О том же Чертков писал А.Л. Толстой 31 января 1921 г. Настоящая воля Л. Толстого относительно посмертного издания его сочинений, по словам Черткова, была изложена в дополнительных распоряжениях, «написанных хотя и не его рукой, а моею, – но излагающих его точные указания, как он собственноручно и отметил в нескольких строках над своей подписью в этой бумаге». «Юридическое завещание на Ваше имя, – указывал он дочери писателя, – было написано единственно для того, чтобы дать Вам формальную возможность обеспечить точное исполнение распоряжений, изложенных в этой дополнительной бумаге и предоставивших мне одному право первого издания всех его посмертных изданий». См.: РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 73, л. 4–5. 8 октября 1922 г. Чертков просил А.Л. Толстую дать ему письменное удостоверение в том, что и она так же понимает смысл составленной 31 июля 1910 г. пояснительной записки к завещанию. Вскоре после этого их отношения были разорваны.

⁵⁵ Абросимова В.Н. Уход Л.Н. Толстого: По дневниковым записям М.С. Сухотина 1910 г. и в переписке Т.Л. Сухотиной-Толстой с С.Л. Толстым 1930-х годов // Известия Академии наук. Серия ОЛЯ. 1996. № 2. С. 66.

⁵⁶ Там же.

© 2010 г. В. П. САПОН *

«ЗНАКОМЫЕ ПО МИСТИКЕ» (НИЖЕГОРОДСКАЯ АНАРХО-МИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ОРДЕН ДУХА»)

Летом и осенью 1930 г. нижегородские чекисты арестовали группу лиц, которых обвинили в антисоветской деятельности. После того, как выяснилось, что местные конспираторы составляли один из филиалов достаточно разветвленной организации, следственное дело (№ 102 425) было передано в Секретный отдел ОГПУ в Москве. В итоге по данному делу в том же году были осуждены агрономы М.А. Владимиров, А.А. Серкина-Копашина, Ю.П. Ковлейский, сотрудница магазина «Красный Октябрь» Е.И. Дрейман, завпроизводством силикатного завода № 2 в Дзержинске Н.А. Матюшин, сотрудник учебной базы Автостроя М.М. Пальмов, статистик крайотдела труда Е.В. Постникова, геодезический рабочий картографического издательства НКВД И.В. Римский-Корсаков, а также безработные («лица без определенных занятий») В.Э. Мичурин, Л.Л. Шорчева и С.Н. Раева.

В заключении по делу нижегородских диссидентов указывалось, что еще в 1924–1925 гг. в городе «главным образом в среде анти-советски настроенной интеллигенции – литераторов, студентов, агрономов была создана подпольная к-р [контрреволюционная] анархо-мистическая организация»¹. На определенном этапе эта организация, представлявшая собой, по оценке следствия, филиал некоего «Московского центра», приняла еще более законспирированные формы и превратилась в «Орден духа», члены которого после прохождения ритуала посвящения именовали себя «рыцарями»².

Согласно материалам следственного дела, инициатива создания столь экзотического тайного сообщества в Нижнем Новгороде принадлежала московскому анархисту, математику Александру Сергеевичу Пастухову и студенту химического факультета Нижегородского университета Владимиру Владимировичу Беру. Сначала они прощупывали настроения и заводили знакомства в местной молодежной среде. Одним из первых adeptов анархо-мистической идеологии стал сын известного в прошлом нижегородского предпринимателя Кирилл Башкиров. Для привлечения к делу новых единомыш-

* Сапон Владимир Петрович, доктор исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.П. Лобачевского.